УДК 811.511.152.2

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-25-32

Репрезентация финно-угорского *ä непервого слога (на материале мокшанских диалектов)

Г. С. Иванова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
galina17-05@yandex.ru*

Н. В. Бутылов

*Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
г. Москва, Российская Федерация
butylovnv@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Ведение. В статье рассматривается развитие финно-угорской фонемы *ä непервого слога в мокшанском языке, репрезентанты которого представлены разными междиалектными и внутридиалектными соответствиями в зависимости от конкретной фонетической позиции. Предметом исследования являются диалекты мокшанского языка.

Цель: исследовать репрезентативный потенциал финно-угорской *ä непервого слога в мокшанских диалектах в соответствии с фонетическим окружением; определение её корреспонденций и картографирование ареала распространения.

Материалы исследования: данные, собранные во время диалектологических экспедиций аспирантами и сотрудниками сектора языкознания НИИГН при Правительстве Республики Мордовия, а также студентами национального отделения филологического факультета Мордовского государственного университета в период с 2000 по 2015 годы.

Результаты исследования и научная новизна. В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что рефлекс финно-угорской фонемы *ä непервого слога представлен во всех трёх диалектах мокшанского языка. Исторический гласный сохранился только в äкающем диалекте. Он наблюдается в позиции закрытого слога при наличии такого же гласного в первом слоге (в нескольких словах), а также в позиции открытого слога при гласных переднего ряда в первом слоге, где он чередуется с гласным заднего ряда *a*; в двух других диалектах ему соответствует гласный среднего подъёма *e*. В абсолютном исходе большинства слов фонема *ä реализовалась в ä, ə и ё, ə, которые в ауслауте имён после одиночного консонанта, находясь в слабой позиции, выпали. Элизия гласных на морфемном стыке продолжается до сих пор. Научная новизна работы заключается в том, что история развития финно-угорской фонемы *ä непервого слога рассмотрена недостаточно. Актуальность выбранной темы продиктована необходимостью изучения уникальных особенностей вокализма мокшанских диалектов в связи с глубокими ассимилятивными процессами, происходящими в языке.

Ключевые слова: мокшанский язык, диалект, вокализм, фонема, репрезентация, фонетическая позиция.

Благодарности: авторы благодарны рецензентам, чьи ценные замечания позволили исправить фактические неточности и улучшить качество текста, а также респондентам за их помощь при сборе диалектного материала.

Для цитирования: Иванова Г. С., Бутылов Н. В. Репрезентация финно-угорского *ä непервого слога (на материале мокшанских диалектов) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 25–32.

Representation of the Finno-Ugric *ä of a non-first syllable (on the material of the Moksha dialects)

G. S. Ivanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
galina17-05@yandex.ru*

N. V. Butylov

*Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation,
butylovnv@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article examines the development of the Finno-Ugric phoneme **ä* of the non-first syllable in the Moksha language, the representatives of which are represented by different inter-dialect and intra-dialect correspondences, depending on the specific phonetic position. The subject of the research is the dialects of the Moksha language.

Objective: to research the representative potential of the Finno-Ugric non-first syllable **ä* in the Moksha dialects in accordance with the phonetic environment; to determine its correspondences and to map the distribution areal.

Research materials: the data collected during dialectological expeditions by the graduate students and employees of the Linguistics Sector of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, as well as by students of the National Department of the Philological Faculty of the Mordovian State University in the period from 2000 to 2015.

Results and novelty of the research: in the result of our research, we came to the conclusion that the reflexes of the Finno-Ugric phoneme **ä* of the non-first syllable are represented in all three dialects of the Moksha language. The historical vowel has survived only in the so called *ä*-dialect. It is observed in the position of a closed syllable in the presence of the same vowel in the first syllable (in several words), as well as in the position of an open syllable with front vowels in the first syllable, where it alternates with a back vowel *a*; in the other two dialects it corresponds to the vowel of the middle rise *e*. In the absolute outcome of most of the words **ä* was realized into *ä*, *ə* and *ě*, *ə*, which in the auslaut of names after a single consonant, being in a weak position, is dropped out. The vowel elision at the morphemic junction continues to the present day. The scientific novelty of the work lies in the fact that the history of the development of the Finno-Ugric phoneme **ä* of the non-first syllable has not been sufficiently considered. The relevance of the chosen topic is dictated by the need to study the unique features of the vocalism of the Moksha dialects in connection with the deep assimilative processes occurring in the language.

Key words: the Moksha language, dialect, vocalism, phoneme, representation, phonetic position.

Acknowledgements: the authors are grateful to the reviewers whose valuable comments have helped to correct factual errors and improve the quality of the manuscript, as well as the respondents for their help in collecting dialect material.

For citation: Ivanova G. S., Butylov N. V. Representation of the Finno-Ugric **ä* of a non-first syllable (on the material of the Moksha dialects) // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (1): 25–32.

Введение

Вокалические системы современных мокшанских говоров, на первый взгляд, не отличаются большим разнообразием. Разница лишь в том, что в фонологической системе одних наличествует гласная фонема *ä*. Такая же фонема присутствовала в фонетической системе финно-угорского праязыка [2; 10; 11; 15; 21; 23; 24].

По мнению исследователей мордовских и финно-угорских языков, из всех характерных отличий фонетического порядка вокалические являются наиболее существенными [8; 16; 18; 20; 23]. Особый интерес для учёных представляет репрезентация праязыковых гласных в отдельных финно-угорских языках.

По употреблению гласных фонем и их фонологическому соответствию все мокшанские говоры подразделяются на три диалекта: *ä*-кающий, *i*-кающий и *e*-кающий [4].

Ä-кающий диалект характеризуется наличием в вокалической системе фонемы *ä*: *t'äd'ä* 'мама', *val'mä* 'окно', *šäjä* 'волос'. К данному диалекту относятся говоры сёл Подлясово (1), Вадовские Селищи (2), Промзино (3) Zubovo-Полянского района; сёл Салазгорь (15), Мордовские Юнки (16), Варжелай (17), Старая Пичеморга (18) Торбеевского района; сёл Мордовская Козловка (22), Кушки (23) Атюрьевского района; сёл Польское

Цыбаево (24), Лесное Цыбаево (25), Кондровка (26) Темниковского района; сёл Старое Синдрово (31), Колопино (32), Зайцево (35), Мордовские Парки (47) Краснослободского района; сёл Мамолаево (33), Новое Мамангино (34), Рыбкино (36), Старая Самаевка (37), Волгапино (38), Гумны (39), Курнино (40), Порапино (42), Мордовское Вечкенино (43) Ковылкинского района; села Левжа (60) Рузаевского района; сёл Старая Теризморга (64), Кулдым (67), Мельцаны (68), Вертелим (69), Темяшево (70) Старошайговского района и др. (см. рис.).

Говоры *i*-кающего диалекта отличаются частотой употребления фонемы *i*: 1) они сохранили общемокшанскую фонему *i* < **i*: *kid* 'кожа', *vir* 'лес'; а также 2) приобрели *i* в результате сужения общемокшанской фонемы *e* (*i* < **e*): *t'iv* < **t'ev* 'дело', *kiv* < **kev* 'камень'.

Данный диалект распространён на территории сёл Старое Бадиково (4), Новое Бадиково (5), Мордовская Поляна (6), Зарубкино (7), Ачадово, Тархан Потьма (8), Булдыгино (9), Пичпанда (10), Мордовский Пимбур (11) Zubovo-Полянского района; сёл Курташки (19), Арга (20), Кишалы (21) Атюрьевского района; сёл Мордовские Пашаты (27), Большой Уркат (28), Старые Пиченгуши (29), Каньгуши (30) Ельниковского района; села Старые Пичуры (41) Торбеевского района;

сёл Старое Дракино (44), Мордовское Коломаково (46), Мордовский Шадым (48), Новое Дракино (49), Алькино (50) Ковылкинского района; сёл Паёво, Глушково, Алёксово (45), Кадошкинского района; сёл Адашево (51), Кочетовка (52), Верхняя Лухма (53), Мордовская Паевка (54), Шадымо-Рыскино (55), Новые Верхиссы (56), Навлей (57) Инсарского района; сёл Мордовская Пишля (62), Перхляй (63) Рузаевского района; сёл Лемдйай (65), Сарга (66) Старошайговского района Республики Мордовия и др. (см. рис.)

Экающий диалект отличается большей частотностью использования фонемы *e*, которая эти-

мологически восходит к двум разным фонемам общемокшанского языка: 1) *e* < **e*: *vet'a* < **vet'a* 'пять', *t'ev* < **t'ev* 'дело'; 2) *e* < **ä*: *l'ej* < **l'äj* 'река', *kež* < **käž* 'злоба'.

Данный диалект самый малочисленный, он охватывает сёла Кажлодка (12), Дракино (13), Савва, Лопатино (14) Торбеевского района; сёла Болдово, Старый Усад (58), Трусклый, Новая Муравьевка (59), Сузгарье, Палаевка (61) Рузаевского района Республики Мордовия (см. рис.).

Своей работой мы продолжаем исследования диалектов мокшанского языка, начатые в начале 60-х годов XX века [1; 3; 7; 9; 16; 18; 20]

Рисунок. Карта – Сфера распространения äкающего, икающего и экающего диалектов мокшанского языка.

● - äкающий диалект, ▲ - икающий диалект, ■ - экающий диалект

Материалы и методы

Методологической основой послужили базовые теоретические и методологические ресурсы по диалектологии мокшанского языка, способствующие определению актуальности выбранной темы, степени изученности проблемы в научной литературе [2; 11; 12; 13; 14; 15; 21; 22; 24]. В работе используется диалектный материал, собранный авторами совместно с аспирантами и сотрудниками сектора языкознания НИИГН при Правительстве Республики Мордовия, а также студентами национального отделения Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва

в районах с компактным проживанием мокшанского населения в период с 2000 по 2015 годы. Основными методами исследования были определены синхронно-описательный и сравнительно-исторический.

Результаты

Фонема ä – нелабиализованный гласный переднего ряда, нижнего подъёма – функционирует только в говорах äкающего диалекта и встречается в разных позициях в слове – в первом слоге, в середине и в абсолютном конце. В двух других диалектах (икающем и экающем) ему соответствует

гласный переднего ряда среднего подъёма *e*, например: äк. *t'äd'ä* 'мама', эк. *t'ed'e*, ик. *t'ed'e* / *t'er'e* 'мама'; äк. *val'mä* 'окно', эк. *val'me*, ик. *val'me* 'окно'; äк. *šäjär* 'волос', эк. *šejer* / *šejär*, ик. *š'ejär* 'волос'; äк. *l'äjn'ä* 'речка', эк. *l'ejn'e*, ик. *l'ejn'e* 'речка'; äк. *nurdän'ä* 'санки', эк. *nurdän'e*, ик. *närdän'e* 'санки'.

В современных мокшанских диалектах в первом ударном слоге непроизводного слова встречаются все гласные, вне первого слога употребление гласных фонем в количественном отношении ограничено: на первом месте по частотности *ä*, на втором – в äкающих говорах – *a*, *ä*, в экающих – *a*, *e* < **ä*, в икающих – *a*, *i* < **e*, и на последнем месте – *u*, *i*, которые в большинстве своём восходят к дифтонгическим сочетаниям **uv*, **ij* (**ij*). Гласные *o*, *e* < **e* не встречаются.

Если история финно-угорского гласного **ä* первого слога более или менее прозрачна, то его развитие вне первого слога до сих пор вызывает много вопросов.

Анализ исследуемого материала показал, что в мокшанских диалектах финно-угорская фонема **ä* непервого слога имеет разные корреспонденции.

Так, в нескольких словах в позиции закрытого слога перед палатальным согласным **ä* сохраняется, если в первом слоге такой же *ä*; в экающих и икающих говорах он закономерно сузился до гласного *e*: ф.-у. **särnä* 'болеть' [17, 174] → äк. *s'är'ä-d'äms*, эк., ик. *s'er'e-d'äms* / *s'er'e-d'mäs* 'болеть'; ф.-у. **älpä* 'ошибиться' [17, 52] → äк. *äl'bä-d'äms*, эк. *el'be-d'äms*, ик. *jel'be-d'äms* / *el'be-d'mäs* 'ошибиться'; ср.: ф. *älpä* 'ошибиться'; ф.-у. **c'äjäre* 'голень' → äк. *s'äjär*, эк. *s'ejär*, ик. *s'ejär* / *s'ejär* 'голень'; ср.: ф. *sääri*, эст. *säär* 'голень'.

В икающем типе говоров наблюдается двойное употребление слова *s'ejär* / *s'ejär*; вариант *s'ejär* – более поздний, гласный *ä* появился в безударной позиции в результате редукции гласного полного образования в безударной позиции, скорее всего, в такой последовательности: *ä* > *e* > (*i*) > *ä* – *s'äjär* → *s'ejär* → (*s'ejir*) → *s'ejär*.

Сохранение качества общемордовского **ä* вне первого слога при таком же гласном в первом слоге слова отмечали и другие исследователи мордовских языков [19; 22; 23 и др.].

В следующей группе слов на мокшанской почве в зависимости от качества последующего консонанта на морфемном стыке (чаще) образовались внутридиалектные параллели: äк. *ä//a*, эк., ик. *e//a*; в первом слоге выступают разные гласные переднего ряда: ф.-в. **säkä* 'сом' [17, 166] → äк. *s'ijä* / *s'igal*, эк., ик. *s'igal* 'сом'; ср.: ф. *säkiä* 'сом';

ф.-у. **el'ä* 'жить' [11, 405] → äк. *er'ä* / *er'a*, эк. *er'e* / *er'a*, ик. *ir'e* / *ir'a* 'жить'; ср.: ф. *elä*, эст. *ela* 'ключ, источник', х. *jälwäylä* 'оживляться'; ф.-у. **perä* 'зад, задняя часть, задний' [11, 420] → äк. *pr'ä* / *pr'a*, эк., ик. *pr'e* / *pr'a* 'голова, вершина, кончик'; ср.: ф. *perä*, эст. *pära* 'зад, задний', х. *pärtäc* 'назад, обратно' – в мокшанских диалектах данное слово выступает с выпавшим гласным первого слога, однако выпадению подвергся не гласный среднего подъёма *e*, а *ä*, который появился в результате редукции узкого гласного *i* < **e* в безударном положении: **perä* < **pir'ä* < *pär'ä* < *pr'ä*; ф.-у. **l'ekšä* 'греча' → äк. *l'ukšä* / *l'ukša*, эк. *l'ukše* / *l'ukša*, ик. *l'äkš'e* / *l'äkš'a* 'греча'; ф.-у. **nipätä* 'щипать (птицу), трепать, тереть (лён)' [17, 117] → äк. *n'eft'ä* / *n'eft'a*, эк. *n'eft'e* / *n'eft'a*, ик. *n'ift'e* / *n'ift'a* 'ощипывать; выдёргивать'; ср.: ф. *hyhtää*.

Вероятно, к домордовскому **ä* восходит *ä* и в таких словах, как äк. *päjär'd'äms*, эк. *pejer'd'äms* / *pejär'd'äms*, ик. *pejär'd'äms* 'рассыпать, разлить'; ср.: э. *pever'd'ems*; äк. *päz'är'd'äms*, эк. *pez'er'd'äms* / *pez'är'd'äms*, ик. *pez'er'd'äms* / *pez'är'd'äms* 'забодать, задеть'; äк. *päl'sä-j*, эк., ик. *päl's'e-j* 'оказывается' [19, 63]; äк. *s'er'gäd'äms*, эк. *s'er'ged'äms*, ик. *s'ir'ged'äms* 'крикнуть, позвать'; ср.: э. *s'er'ged'ems*; äк. *t'ät'är'd'äms*, эк., ик. *t'et'er'd'äms* 'спотыкаться'.

В отдельных словах перед велярным согласным **ä* > *a*, как показывают соответствия из эрзя-мордовского языка, закономерный перенос артикуляции к заднему ряду произошёл ещё в домордовское время: ф.-у. **šäšnä* 'дятел' [17, 217] → äк. *šäkšata*, эк., ик. *šəkša-ta* / *š'ekša-ta* 'дятел'; ср.: э. *šəkša-ta*; ф.-у. **äsä* 'вчера' [17, 54] → äк., эк., ик. *is'a-k* 'вчера'; ср.: э. *is'a-k*.

В самой многочисленной группе слов фонеме **ä* соответствует гласная *ä*, которая в ауслауте проявляется в аллофонах *ä*, *ě*, *ä*, *ä*, *ä*, согласно закону сингармонизма в первом слоге выступают корреспонденции гласных переднего ряда: **ä*, **e*, **i*, **ü* [16]. Это наблюдается в исходе слова после палатального, палатализованного согласного или после фрикативного *š*; и никогда не встречается после твёрдого парного согласного: ф.-у. **kämä* 'крепкий, твёрдый' [11, 408] → äк. *kemä* / *kemä*, эк. *kemě*, ик. *kimě* 'крепкий, твёрдый'; ф.-у. **päkkä* 'живот' → äк. *pekä* / *pekä*, эк. *pekě*, ик. *pikě* 'живот'; ф.-у. **täštä* 'звезда' → äк. *t'äšt'ä* / *t'äšt'ä*, эк. ик. *t'eš't'ě* 'звезда'; ф.-у. **käppä* 'босиком' [17, 68] → äк. *käpä* / *käpä*, эк. ик. *kerě* 'босиком'; ф.-у. **s'äppä* 'желчь' → äк. *s'äpä* / *s'äpä*, эк. ик. *s'erě* 'желчь'; ф.-у. **täškä* 'борода, колос' [11, 426] → äк. *t'išä* / *t'išä*, эк. *t'išě*, ик. *t'iš'ě* 'трава, сено'; ф.-у. **neljä* 'четыре' [11, 423] →

ак. *n'il'ä* / *n'il'ä*, эк., ик. *n'il'ë* 'четыре'; ф.-у. **peljä* 'ухо' [11, 412] → ак. *pil'ä* / *pil'ä*, эк., ик. *pil'ë* 'ухо'; ф.-у. **mertä* 'человек, мужчина' [11, 427] → ак. *mir'd'ä* / *mir'd'ä*, эк., ик. *mir'd'ë* 'человек, мужчина'; ф.-у. **c'üklä* / **c'ükl'ä* 'бородавка' [11, 400] → ак. *s'el'gä* / *s'el'gä*, эк. *s'el'gë*, ик. *s'il'gë* 'бородавка'; ф.-у. **külmä* 'холод, холодный' [11, 431] → ак. *kel'mä* / *kel'mä*, эк. *kel'më*, ик. *kil'më* 'холод, холодный, холодно'; ф.-у. **s'ilmä* [11, 400] → ак. *s'el'mä* / *s'el'mä*, эк. *s'el'm'ë*, ик. *s'il'm'ë* 'глаз'; ф.-у. **wilwä* 'село' [17, 30–31] → ак. *vel'ä* / *vel'ä*, эк. *vel'ë*, ик. *vil'ë* 'село, деревня'; ф.-у. **n'älmä* 'язык' [11, 412] → ак., эк., ик. *n'il'ä* 'глотать'; ф.-у. **kesä* 'год, лето' → ак., эк., ик. *kizä*; ф.-у. **s'erpä* 'шея' [11, 412] → ак. *s'ivä*, эк., ик. *s'ivë* 'шея'; ур. **pesä* 'гнездо' [11, 404] → ак., эк., ик. *pizä* 'гнездо'; ф.-у. **res'mä* 'ремень' → ак. *r'is'mä*, эк., ик. *r'is'më* 'цепь, цепочка'.

В конце слова после велярного *s* **ä* > *ä*: **kesä* 'год, лето' → ак., эк., ик. *kizä* 'год, лето'; **pesä* 'гнездо' [11, 404] → ак., эк., ик. *pizä* 'гнездо'.

В позиции закрытого слога после велярного непарного консонанта *ä* < **ä* чередуется с *ä*: ак. *käpä* 'босой; босиком' → *käpä-t* 'они босые', *käpä-s* 'босой – этот', *käpä-t* 'босого – этого'; эк., ик. *kepë* → *kepä-t*, *kepä-s*, *kepä-t*; ак. *t'isä* 'трава, сено' → ак., эк. *t'isä-t* 'травы', *t'isä-s* 'трава – эта', *t'isä-t* 'травы – этой' (ср.: ик. *t'is'ä-t*, *t'is'ä-s*, *t'is'ä-t*); а после парного палатализованного консонанта – с *ä*, например: **käl'ä* 'идти вброд' → ак. *käl'ä*, эк., ик. *kel'ä*; **n'älmä* 'проглотить' → ак., эк., ик. *n'il'ä*.

В группе слов **ä* выпадает. Вероятно, параллельно выпадение происходило и в некоторых родственных финно-угорских языках (угорских, пермских, марийском), о чём свидетельствуют соответствия, например: ур. **pälä* 'сторона, половина' → ак., эк. *päl'*, ик. *pel'*; ср.: мр. *nel*, *vel* 'сторона', у. *nal*, к. *nöl*, *növ* [11, 407]; ф.-п. **vešnä* 'полба' [11, 428] → ак., эк. *veš*, ик. *viš*; ср.: у. *вазь*; ур. **wülä* 'верхний' → ак., эк. *veL'ks*, ик. *viL'ks* 'верх, верхняя часть; крыша, одеяло; накидка'; ср.: у. *выл* 'поверхность', к. *выл* 'верхняя часть' [11, 407].

Мокшанским диалектам свойственны явления сандхи, наблюдаемые на морфемном стыке [5]. Так, в именных основах после взрывных *d*, *d'*, *t*, *t'*, *g*, *k* из консонантного комплекса, редко – одиночных, если суффиксальная морфема начинается с взрывных *t*, *t'* или щелевых *s*, *f*, имеет место элизия гласных, например: ф.-у. **pakkä* 'живот' → ак. *pekä*, эк. *pekë*, ик. *pikë* → ак., эк. *pek-t* / ик. *pik-t* 'животы'; ф.-в. **täštä* 'звезда' → ак. *t'äšt'ä*, эк., ик. *t'ešt'ë* / *t'ešt'ë* → ак. *t'äšt'-t'*, эк., ик. *t'ešt'-t'* / *t'ešt'-t'* 'звезды'; ф.-п. **mertä* 'человек, мужчина' → ак. *mir'd'ä*, эк. *mir'd'ë* → ак., эк., ик. *mir't'-t'*

'мужья'; ф.-у. **c'üklä* / **c'ükl'ä* 'бородавка' → ак. *c'il'gä*, эк., ик. *s'il'g'ë* / *c'il'g'ë* → ак., эк., ик. *c'il'k-sä* / *s'il'k-sä* 'в бородавке'; ф.-п. **päškä* 'орех' → ак. *päšt'ä*, эк., ик. *pešt'ë* → ак. *päšt'-fätmä*, эк. *pešt'-fätmä*, ик. *pešt'-f'ätmä* 'без орехов'. Выпадению подвергаются аллофоны редуцированной гласной фонемы.

В глагольных основах гласные *ä*, *ä* / *a* < **ä* выпадают перед смычным или щелевым согласным, например: ф.-у. **peksä* 'избивать, отхлестывать' → ак., эк., ик. *piksä-ms* 'избить, поколотить' → ак., эк., ик. *piks'-s'äms* 'избивать, поколачивать'; ур. **wetä* 'вести' [11, 405] → ак. *vät'ä*, эк., ик. *vet'ä* 'вести' → ак. *vät'-n'äms*, эк., ик. *vet'-n'äms* 'водить'; ф.-у. **käl'ä* 'идти вброд' [11, 419] → ак. *käl'ä*, эк., ик. *kel'ä* → ак. *käl'-sa* 'перейду вброд (я – его)'; ф.-у. **n'älmä* 'язык' [11, 412] → ак., эк., ик. *n'il'ä* 'глотать' → ак., эк., ик. *n'il'-sak* 'проглотишь (ты – его)'; ф.-у. **el'ä* 'жить' [11, 405] → ак. *er'ä* / *er'a*, эк. *er'e* / *er'a*, ик. *ir'e* / *ir'a* 'жить' → ак., эк. *er'-s'äms*, ик. *ir'-s'äms* 'находиться' и т. д.

Однако в большей части мокшанских слов *ä* первого слога является вторичным.

В группе слов он появился из общемордовского **a* в результате переддвижки его артикуляции к переднему ряду; это произошло в позиции перед мягким парным или непарным по мягкости и твердости консонантом, например: ф.-у. **ajša* 'оглобля' [17, 9] → ак. *äžjā* / *äžja-*, эк., ик. *äžje* / *äžja-*; ср.: ф. *ajsa*, веп. *аижад*, э. *äžja* 'оглобля'; ф.-у. **ajajna* 'гнать, катить' [17, 10–11] → ак. *ajd'a-* / *ajd'ä-*, эк., ик. *ajd'a-* / *ajd'e-*; ср.: ф. *ajua*, э. *ajd'a-* 'гнать, катить'; ф.-у. **waja-* 'утонуть' [17, 28–29] → ак. *vaja-* / *vajā-*, эк., ик. *vaja-* / *vaje-* 'утонуть, увязнуть'; ср.: ф. *vajota* 'утонуть, уйти на дно', э. *vaja-* 'утонуть'; ф.-в. **vel'a-* 'свалиться' [17, 31] → ак. *vel'a-* / *vel'ä-*, эк. *vel'a-* / *vel'e-*, ик. *vil'a-* / *vil'e-* 'свалиться; перевернуться; лечь; опрокинуться'; ср.: ф. *vilkkua* 'свалиться', мр. *велаиш* 'уйти (литься через край)'; ф.-у. **kaja-* 'налить' [17, 64] → ак. *kaja-* / *kajä-*, эк., ик. *kaja-* / *kaje-* 'налить'; ср.: э. *kaja-* 'налить'; ф.-у. **pēle-ka* 'большой палец' [17, 139] → ак. *päl'kä*, эк., ик. *peL'ke* 'большой палец'; ср.: эст. *pejgla* 'большой палец'; ф.-у. **saran'a* 'золото' [11, 435] → ак. *zärn'ä*, эк., ик. *zärn'e* / *sirn'e* 'золото'; ср.: в. *arany* < иран.: ср. авест. *zaranya*, санск. *hīranya*; ф.-у. **matsa-* 'мелкий, неглубокий' [17, 101] → ак. *mac'ä-* / *mac'a-*, эк., ик. *mac'e-* / *mac'a-* 'мелкий, неглубокий, низменный'; ср.: ф. *matala*; ф. *harjas* 'щетина', *harja* 'грива' [17, 174], ак. *š'äjä*, эк., ик. *š'ejär* / *š'ejär* 'волос'.

В ряде основ *ä* берет своё начало от финно-угорского **e*, который в äкающем диалекте мокшанского языка расширился до гласного нижнего

подъёма [6; 8], например: ф.-у. *äje ‘отец, дед’ [11, 426] → äk. al’ä / al’a-, эк., ик. al’e / al’a- ‘отец, мужчина’; ср.: эст. äi ‘свёкор, тесть’, у. айы ‘отец, самец’; ф.-у. *ikte или *ükte ‘один’ [17, 30] → äk. fka-, эк., ик. fke / ifke ‘один’; ср.: ф. yksi, к. ömik; ф.-в. *nike ‘нанизать, насадить (черенок)’ [17, 117] → äk. n’ed’ä- / n’ed’a-, эк. n’ed’e- / n’ed’a-, ик. n’id’e- / n’id’a- ‘нанизать, насадить (черенок, топорыше)’; ф.-у. *kuje ‘жир’ [17, 87] → äk. kujä / kuja-, эк., ик. kuje / kuja- ‘жир, жирный’; ф.-у. *küle- ‘слушать’ [17, с. 83] → äk. kul’ä / kul’a-, эк., ик. kul’e / kul’a- ‘весть, известие; слухи, слава, молва’ и др.

Интересное явление наблюдается в тюркских заимствованиях, где употребление гласных ä, a вне первого слога напрямую зависит от качества гласного первого слога: тюркский ä сохраняется после палатального или палатализованного консонанта, если в первом слоге гласный переднего ряда, например: c’ebär’ ‘хороший’ < cibär; гласный ä веляризуется, если в первом слоге гласный не переднего ряда, а перед предшествующим велярным непарным согласным стоит консонантный комплекс с щелевым z или s, например: suzma ‘творог’ < sözmä.

Однако в развитии финно-угорского *ä просматриваются и другие репрезентанты, к ним следует отнести:

а) *ä > ä (вместо закономерного *ä > ä) после велярного парного согласного; впоследствии веляризация распространилась и на гласный первого

слога, например: ф. mäntä → м. д. mandä ‘палка’; ф.-у. *tälwä → м. д. t’alä ‘зима’;

б) *ä → u перед лабиальным v: ф.-у. *kärpä ‘муха’ → м. д. karu (<*karuv).

в) *ä → i перед палатальным j: ф.-у. *säwnä ‘язь’ → м. д. s’en’i (<*s’en’ij).

Обсуждение и заключение

Сравнительный анализ исследуемого материала дал следующие результаты: в мокшанских диалектах финно-угорской фонеме *ä соответствуют следующие репрезентанты:

1) *ä сохранилась (äk. ä, эк., ик. e) в позиции закрытого слога между двумя палатальными или палатализованными согласными; в первом слоге исторически выступали гласные переднего ряда: *ä, *e, *i, *ü;

2) *ä → äk. ä, эк., ик. ё, э – в абсолютном исходе слова в безударном положении;

3) гласный закономерно исчез в ауслауте имён в заведомо слабой позиции после одиночного согласного;

4) на морфемном шве элизия гласных, восходящих к *ä, продолжается до настоящего времени и наблюдается после смычного из консонантного комплекса (в именных основах) или после одиночного смычного (в глагольных основах), если суффиксальная морфема также начинается со смычного согласного.

Список сокращений

Авест. – авестийский язык, äk. – äкающий диалект, в. – венгерский язык, веп. – вепский язык, ик. – икающий диалект, иран. – иранский язык, к. – язык коми, м.д. – мокшанский диалект, мр. – марийский язык, санск. – санскрит, у. – удмуртский язык, ур. – уральский язык, ф. – финский язык, ф.-в. – финно-волжский язык, ф.-п. – финно-пермский язык, ф.-у. – финно-угорский язык-основа, х. – хантыйский язык, э. – эрзянский язык, эк. – экающий диалект, эст. – эстонский язык.

Список источников и литературы

1. Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16–226.
2. Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 244 с.
3. Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–433.
4. Иванова Г. С. Диалектная классификация мокша-мордовского языка (на основе лингвистического принципа) // Языки народов России: история и современность. Западный: АнтроВита, 2017. Т. I. С. 29–50.
5. Иванова Г. С., Ишаева Л. В. Явление сандхи в мокша-мордовском языке // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал, 2015. № 2 (22). С. 109–111.
6. Иванова Г. С., Поляков О. Е., Жебряткина И. Я. Реализация финно-угорского гласного *e конца основы в мокшанском языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4 (32). С. 141–145.
7. Ломакина Т. И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка (краткий фонетический очерк) // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 289–330.
8. Мосин М. В., Мосина Н. М. Гласные конца финно-угорской основы слова в мордовских языках // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 1. С. 14–23.

9. Мосин М. В., Мосина Н. М. Система согласных в начале финно-угорской основы слова в мордовских языках // Вестник уgroведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 663–670.
10. Норманская Ю. В. Реконструкция прауральского разноморенного ударения и его влияние на развитие системы вокализма. М.: Языки народов Мира, 2018. 505 с.
11. Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1975. 484 с.
12. Современные мордовские языки. Фонетика / общ. ред. Л. В. Бондарко, О. Е. Полякова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 203 с.
13. Феоктистов А. П. Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1975. С. 248–344.
14. Финно-волжская языковая общность / под ред. Б. А. Серебrenникова. М.: Наука, 1989. 272 с.
15. Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 429 с.
16. Цыганкин Д. В., Иванова Г. С. Ассимилятивный потенциал сингармонизма в языках агглютинативного типа // Вестник уgroведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 510–518.
17. Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологиянь валкс=Этимологический словарь. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 234 с.
18. Чудаева О. И. Старо-пшневский говор мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 3. С. 27–49.
19. Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1999. 183 p.
20. Feoktistov A. P. Dialects of Mordovian languages // Paasonens H. Mordwinisches Worterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1990. Bd. 1. Pp. LXXI–LXXXVI.
21. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1946. Bd. XXIX, Heft 1–3. Pp. 222–337.
22. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1903. 123 p.
23. Ravila P. Ein Beitrag zur Geschichte der Vokalharmonie im Mordwinischen // Nyelvtudományi közlemények, L. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Intézetének, 1936. köt. 50. Pp. 381–385.
24. Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. Berlin: Akademie, 1964. 156 p.

References

1. Babushkina R. V. *Temyashevskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [Thematic dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1966. Vol. 4. pp. 16–226. (In Russian, Moksha)
2. Gruzov L. P. *Fonetika dialektov mariyskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii* [Phonetics of the dialects of the Mari language in historical aspect]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1965. 244 p. (In Russian, Mari)
3. Devaev S. Z. *Sredne-vadskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [The Middle Vadsk dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. 2. pp. 261–433. (In Russian, Moksha)
4. Ivanova G. S. *Dialektnaya klassifikatsiya moksha-mordovskogo yazyka (na osnove lingvisticheskogo printsipa)* [Dialect classification of the Moksha-Mordovian language (based on the linguistic principle)]. *Yazyki narodov Rossii: istoriya i sovremennost'* [Languages of the peoples of Russia: history and modernity]. Zapadny: AntroVita Publ., 2017. Vol. 1. pp. 29–50. (In Russian, Moksha)
5. Ivanova G. S., Ishayeva L. V. *Yavleniye sandkhi v moksha-mordovskom yazyke* [The phenomenon of sandhi in the Moksha-Mordovian language]. *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye: nauchno-metodicheskiy zhurnal* [Humanities and education: scientific and methodical journal], 2015, no. 2 (22), pp. 109–111. (In Russian, Moksha)
6. Ivanova G. S., Polyakov O. Ye., Zhebratkina I. Ya. *Realizatsiya finno-ugorskogo glasnogo *e kontsa osnovy v mokshanskom yazyke* [Implementation of the Finno-Ugric vowel *e of the end of the stem in the Moksha language]. *Vestnik Kalmyckogo instituta humanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences], 2017, no. 4 (32), pp. 141–145. (In Russian, Moksha)
7. Lomakina T. I. *Gorodishchenskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka (kratkiy foneticheskiy ocherk)* [The Gorodishchensky dialect of the Moksha-Mordovian language (brief phonetic essay)]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1966. Vol. 4. pp. 289–330. (In Russian, Moksha)
8. Mosin M. V., Mosina N. M. *Glasnyye kontsa finno-ugorskoy osnovy slova v mordovskikh yazykakh* [Vowels of the end of the Finno-Ugric word stem in the Mordovian languages]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric world], 2019, no. 11 (1), pp. 14–23. (In Russian, Moksha, Erzya)
9. Mosin M. V., Mosina N. M. *Sistema soglasnykh v nachale finno-ugorskoy osnovy slova v mordovskikh yazykakh* [The consonant system at the beginning of the Finno-Ugric word stem in the Mordovian languages]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 663–670. (In Russian, Moksha, Erzya)
10. Normanskaya Yu. V. *Rekonstruktsiya prauralskogo raznomestnogo udareniya i yego vliyaniye na razvitiye sistemy vokalizma* [Reconstruction of the Proto-Uralian movable stress and its influence on the development of the vocalism system]. Moscow: Yazyki narodov mira Publ., 2018. 505 p. (In Russian)

11. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 484 p. (In Russian)
12. *Sovremennyye mordovskiye yazyki. Fonetika* [Modern Mordovian languages. Phonetics]. Ed. by L. V. Bondarko, O. E. Polyakova. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1993. 203 p. (In Russian, Moksha, Erzya)
13. Feoktistov A. P. *Mordovskiye yazyki* [The Mordovian languages]. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1975. pp. 248–344. (In Russian)
14. *Finno-volzhskaya yazykovaya obshchost'* [Finno-Volga language community]. Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow: Nauka Publ., 1989. 272 p. (In Russian)
15. Khaydu P. *Ural'skiye yazyki i narody* [The Uralic languages and peoples]. Moscow: Progress Publ., 1985. 429 p. (In Russian)
16. Tsygankin D. V., Ivanova G. S. *Assimilyativnyy potentsial singarmonizma v yazykakh agglutinativnogo tipa* [Assimilative potential of synharmonism in languages of agglutinative type]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (3), pp. 510–518. (In Russian, Moksha)
17. Tsygankin D. V., Mosin M. V. *Etimologiyany' valks=Etimologicheskii slovar'* [Etymological dictionary]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1998. 234 p. (In Russian, Erzya, Moksha)
18. Chudayeva O. I. *Staro-pshenevskiy govor moksha-mordovskogo yazyka* [Old-Pshenevsky dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. 3. pp. 27–49. (In Moksha, Russian)
19. Bartens R. *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys*. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1999. 183 p. (In Finnish)
20. Feoktistov A. P. *Dialects of Mordovian languages*. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1990. Bd. 1. pp. LXXI–LXXXVI. (In German)
21. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen insbesondere im Mordwinischen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 1946, no. 29 (1–3), pp. 222–337. (In German, Moksha, Erzya)
22. Paasonen H. *Mordwinische Lautlehre*. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1903. 123 p. (In German, Moksha, Erzya)
23. Ravila P. *Ein Beitrag zur Geschichte der Vokalharmonie im Mordwinischen*. *Nyelvtudományi közlemények*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Intézetének, 1936. Köt. 50. pp. 381–385. (In German, Moksha, Erzya)
24. Steinitz W. *Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus*. Berlin: Akademie, 1964. 156 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванова Галина Софроновна, профессор кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (430000, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук.

galina17-05@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7717-543X

Бутылов Николай Васильевич, профессор кафедры иностранных языков № 3, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., д. 36), доктор филологических наук.

butylovnv@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-2259-0326

ABOUT THE AUTHORS

Ivanova Galina Sofronovna, Professor of the Department of Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences.

galina17-05@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7717-543X

Butylov Nikolay Vasilyevich, Professor of the Department of Foreign Languages No. 3, Plekhanov Russian University of Economics (117997, Russian Federation, Moscow, Stremyanny Lane, 36), Doctor of Philological Sciences.

butylovnv@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-2259-0326